

В сегодняшнем суетном мире, преисполненном дешевого шика, настоящей роскошью является постоянство. Желательно, конечно, постоянно в хорошем. Стабильность хорошего. Жизнь без традиций бестолкова и утомительна. Поэтому с исчезновением прежних можно и нужно вводить новые. Вот, например, ежегодные беседы с «мудрецом русского театра» Джигарханяном — обстоятельные, неспешные, в каком-то смысле «отчетные» — чем не прекрасная традиция! Чувствуешь себя спокойнее и увереннее, когда есть к кому обратиться с вопросом и получить, если не ответ, то уж точно — дирекцию его поиска.

Тему очередной беседы задали последние премьеры актера — совместная постановка Московского театра-студии под руководством О. Табакова и МХАТа имени А. П. Чехова «Ужин». Пьеса Ж.-К. Брисвиля, режиссер спектакля Андрей Смирнов. Табаков и Джигарханян — Талейран и Фуше, место действия — дом Талейрана в Париже, время действия — канун французской Реставрации. Ночь, улица, толпа — «за кадром». На сцене — ужин. Настоящий, «натуральный» ужин, и более ничего.

— Армен Борисович, форма политического устройства совершенствуются человеком так медленно, что практически любую историческую пьесу можно трактовать как тонкий намек на современные обстоятельства. Вы ощущаете на сцене такую — ассоциативную — реакцию зала?

— Я пока вообще затрудняюсь говорить о зрительском отклике. Мы сыграли «Ужина» всего несколько раз. С эксплуатацией спектакля происходит что-то ненормальное: перерывы то в три, то в шесть недель. Абсолютно не подозреваю здесь чьих-то интриг, умысленного коварства — просто жалко... Пьеса довольно сложна для восприятия. Репетируя, мы заранее отмечали «убойные», на наш взгляд, моменты — тут не спешить, тут все ахнут. А выяснилось, что интерес вызывал в первую очередь самые простые человеческие вещи — разговоры о детстве, о женитбе... И это идеальный эффект. Ведь задача — показать не политический монстр, а их сердцевину, их природную сущность. Если помню, Бергман говорил: интересно не то, что играет актер, а то, что он скрывает. «Скрывает» — не в значении «прячет», держит за паузой. Не утаивает, а таит. Точно так же любопытно, что творится внутри человека, когда он вершит судьбы нации.

— Серьезная историческая драматургия — сегодня особенно — у нас не в чести. Показательно, что на одной и той же сцене друг за другом выпускаются два полных спектакля — «За зеркалом» и «Ужин». Историзм будучи был хотя бы расщеплен на шумный успех, историзм интеллектуальный изначально не мог на него претендовать. В чем, на ваш взгляд, оправдание постановки исторических пьес вообще и «Ужина» в частности?

— За историческую пьесу стоит бороться, если в ней заложен динамит. Не совсем уж примитивно, в лоб, предупреждение, но... Предостережение, скажем так. Не надо шокировать, но обязательно надо вызвать легкий испуг. У нас без конца выплывают: «зачем», «для чего» поставлен «Ужин», в чем его актуальность? А она, кстати, велика, только искать ее нужно не в прямых параллелях. Грубо говоря, «Ужин» о том, что нам не следует обливаться соплими по поводу наших правителей. Мы же постоянно впадаем в массовые психозы то с тем, то с другим знаком. Внимание должно быть пристальным, но спокойным: наблюдать, трезво оценивать, вычленивать главное, делать выводы. Надо знать, какие они, люди, которые делают историю.

— А какие они, Армен Борисович? Тип, в общем, не меняется?

— Думаю, нет. Властолюбие — очень определенная физиологическая страсть. Патология организма. Как любая болезнь, она может протекать чуть-чуть по-разному, но главные симптомы остаются прежними. Незначительные изменения и отклонения, конечно, есть, они связаны с географией. В каком климате живет человек, какую воду пьет... Я боюсь сейчас оперировать медицинскими терминами, но если покопаться, у Фрейда или у Ницше наверняка найдется клиническое название. В политику идут люди с вполне конкретными задатками.

— Значит, человек иного типа — откровенно, прямо, духовный — наверху долго не задержится?

— Подожди, давай обойдемся без противопоставлений. Я сейчас не оцениваю качества. Я говорю, что без страсти человек и не дойдет до верха,

сломается на полпути. Так в любом деле. Политика — один из человеческих талантов, а талант — всегда изощрение. Можно отвернуться от Фуше с омерзением: какая гадость, — всю жизнь вынохивать, выслеживать, шпионить. А вдруг это настоящая страсть — разгадать, разоблачить человека, проникнуть в его нутро. Разве все мы — играющие, пишущие — занимаемся не чем-то подобным? К сожалению, нельзя вернуть узнать человека, как ткнув его носом в его же собственную грязь. Навязно предпологать, будто к власти стремятся исключительно из корыстных побуждений, с низкими намерениями. Нет, все было бы чересчур просто, если бы было так просто. Там полно идеалистов, и они уверены, что действуют во благо, — в их понимании, разумеется. Что бы ни происходило, во всем и всегда огромная доля нашей с тобой вины — тех, кто внизу. Злодеи в политике рождаются при нашем активнейшем соучастии. Мы соблазняем, мы одурманиваем. За глаза критикуем, чуть ли не проклинаем, а в глаза строго, придирчиво, без лживой улыбки посмотреть не можем. Инстинктивно начинаем любезничать. Мне президент расскажет анекдот, а я ему отвечу: «не смешно? Да никогда в жизни! Я буду хохотать во всю мощь легких». И каждый будет. «Мы» зачастую страшнее, чем «они».

— В каком случае нам следует изучать не кля, а себя. Себя — через наше отношение к ним. Здесь наиболее ясно высвечивается растоптанное в нас чувство собственного достоинства. Я бы сказал, вредительски здорово растоптанное, прямо растертое в пыль. Важнейший подтекст «Ужина» таков: я уважаю лидера, я слушаю в его слова, но я им не слепаюсь. Я имею право рассуждать. Надо в человеческом сознании постепенно смещать акцент на «я». Не о «путизм», конечно, речь — о нормальном восприятии себя самого. Недавно был проведен очень показательный тест. Десяти нашим старшескласникам и десяти их ровесникам из американских колледжей предложили написать сочинение. Тема свободная, но начать нужно обязательно со слова «я». И все до единого американцы написали: «Я, Майкл Джордан...» и т. д. У наших — ничего подобного. «Я летом отдыхал в деревне...». Нам в голову не приходит назвать свое имя. Мы его стесняемся, потому что ни имя, ни самих себя в грош не ценим. Это не скромность, а повальное отсутствие чувства собственного достоинства — страшный комплекс, который в масштабах целой страны превратил всякими болезненными взрывами. Возрождение чувств индивидуальной самооценки каждого очень важный момент в достижении обществом в целом состояния мощи и зрелости.

— Но тут необходимо двигаться с обеих сторон. Трудно начать воспитание достоинства снизу, если оно будет бесконечно подавляться сверху. Конечно, это вопрос доброй воли власть имущего. Я не вру своим ребятам во ВГИКе, когда говорю, что они хорошие артисты, что на них интересно смотреть. Я не вру им. Другое дело, что я мог бы вообще ничего не сказать, промолчать. Или, наоборот, запугать их, как дрессировщик, которму нужно, чтоб звери его боялись: «ты без меня ничто, ты без меня пропадешь, это ты меня вытаскил...». Причем, последний метод обычно дает моментальный эффект. В этом заложено гигантское искусство для любого руководителя. Но человек разрушается. Вер-

Армен Джигарханян:

Искусство ЗАБАВЛЯТЬСЯ

...и кто разрушается — и кто кричит, и на кого кричат.

— «Ужин» — необычайно целостный спектакль в том смысле, что его нужно «смаковать». Он рассчитан на спокойного зрителя. Сидя в зале, ощущаешь по атмосфере люфт несовадения между ожидаемым и увиденным. Просто пропуская «разговоры» мимо ушей — вот сейчас наговорятся, и начнется действие. А спектакль вдруг завершается, оставляя часть публики в недоумении.

— Мне всегда жаль, когда людей заманили в зал и чего-то им недодали. Но при восприятии искусства надо исключать позицию «как бы я сделал». Правильно, мы сегодня нервные, нетерпеливые, мятущиеся. Великую музыку — и ту не очень-то рвутся слушать. А уж чтобы час пятьдесят смотрели на статичную картинку, — ремнями к креслам надо пристегивать. Возможно, «Ужин» мог бы быть более расщепленным. Но мы сознательно к этому не стремились, хотя и использовали некоторые подсказки, данные в пьесе. Может быть, даже зря. Отсутствие театральности формы — тоже своеобразная форма. Принцип нужно доводить до совершенства. Или уж разбить камерность вдребезги. Так толпа, которая не существует «под окнами» Талейрана, могла бы стать главным действующим лицом спектакля. Но теперь поздно гадать. Выбран путь драмы диалога — прости, что лезу в ваушу, театроведческую епархию. Нельзя сказать, что он бездействен. Просто сегодня труднее воспринимается внутреннее, глубинное действие — наверное, нет сил вникать. На репетициях я мысленно ориентировался на такой образ: цирковой аттракцион, в котором участвуют два антагониста. Отсюда колоссальное напряжение: сделают трюк или вцепятся друг в друга? В «Ужине» идет откровенная игра в кошки-мышки. Мощнейший конфликт между воплощенной мягкостью, деликатностью и человеком с ружьем. Вся наша страна сегодня — горы обломков, оставшихся после такого конфликта. Я ставлю сейчас на своем курсе «Три сестры» и убежден, что Чехов писал именно об этом. Пьеса вовсе не о страданиях рафинированной интеллигенции в носовой платок. Она о безответственности, рылости, апатии и — человеке с ружьем, который всегда тут как тут. Жесточайшая вещь...

— В «Ужине» мощнейший, как вы говорите, конфликт разыгрывается непрерывно жующими актерами. Как, по-вашему, в чем художественная ценность еды на сцене?

— Очень просто. В дополнительной степени правдивости. Я не говорю, что так следует делать в любом спектакле, но в «Ужине», на мой взгляд, это обоснованно. Прием работает все на ту же цель: уничтожить предвзятое представление о власти имущих. Разрушить иллюзию священнодействия. Судьбы Франции вершатся между двумя бокалами шампанского. Наше с вами будущее может решиться между двумя сосисками. Это надо ясно понимать. «Они» не небожители, а обычные, нормальные люди. Они едят, пьют, меряют

Армен Джигарханян

давление, принимают адекватные решения, принимают адекватные решения, принимают адекватные решения...

— У вас с Фуше есть некая точка пересечения? Качество, которое вас роднит?

— Только одно — откровенность. Фуше совершенно не умеет играть, представлять. Он ненавидит это умение в Талейране и завидует ему. Нужно обладать фантастическим хладнокровием, чтобы, например, заснуть в кресле, когда внутри тебя или вокруг бушуют страсти. Фуше на такое не способен, это комок нервов. Я хотел, чтобы получился определенный, даже кондовый человек. Я вообще люблю в жизни однонаправленных людей и с годами все дорожу ценю то, что принято называть «цельностью»: человек так говорит, так смотрит, так поступает, не скрывая своих намерений. Фуше откровенен до наглости, и в этом его обаяние. Прямота — тоже вид политики. Он играет, но не по-актерски. Он играет в хоккей по правилам игры в хоккей. Очень жестким правилам. Политика более всего, по-моему, схожа со спортом. Конечно, это спорт для «молотостроителей» для носорогов. Много доступных приемов при беспощадности борьбы.

— Очень распространенное явление: политик, играющий по-актерски на чувства, обаянии, представлении, и политик, играющий «в хоккей», прущий к воротам напролом, весь в мыле. Что выгоднее, по-вашему, чья игра результативнее?

— Смотря, какой результат имеется в виду. Власть сама по себе не есть цель, она прелесть, когда держится на согласии между народом и его правителем. Чтобы завоевать симпатию, политику требуется места поразительных качеств. И актерских тоже — с ними проще быть адекватным людям.

— Вот об этом, если можно, поподробнее. Я пишу диплом о Борисе Годунове и столкнулся с тем, что ни один историк, ни один драматург не в состоянии внятно объяснить феномен народной любви, либо нелюбви. «Живая власть» далеко не всегда «народу ненавистна», но особенно нелюбимы очень часто именно те, кто сделал больше всех добра. Их презирают, оговаривают, просто высмеивают. В чем причина — в неадекватности? В недостатке страха?

— Я думаю, в их неадекватности. Во всем мире, там, где о страхе давно забыли, существуют лидеры-любимчики и лидеры-изгои. В связи со смертью Никсона начали анализировать его деятельность и пришли к выводу, что он сделал так много хорошего для Америки, как никто другой. И в то же время это был один из самых не любимых американцами президентов. А вот Рейгана, хоть он и не был семи падей во лбу в области экономики, все буквально обожали. Его актерская карьера — ерунда, он был плохим артистом. Но он забрал из этой профессии в политику весь арсенал выигранных приемов. Я помню его визит в Москву через месяц после гибели «Шаттла». Они с Горбачевым стояли на Красной площади. И кто-то задал вопрос, когда состоится

совместный советско-американский космический полет. В ответ Рейган сыграл гениальный этюд под названием «Горе Америки». Он выдержал паузу, смахнул слезу и сказал: «Подождите, дайте нам пережить это несчастье...». Поимки, я ничуть не иронизирую, Боже упаси. Я говорю «сыграл этюд», не подразумевая, что он лицемерил, конечно, нет. Он открыто продемонстрировал свои подлинные чувства, нашел для них нужную форму. Этот этюд видели на телеэкране миллионы людей. Президент плакал вместе с ними, он пролезет те слова, которые произнес бы каждый. Вот пример гениальной адекватности лидера огромной стране. Быть адекватным — значит чувствовать интонацию времени и реагировать в унисон с большинством.

— Похоже, чтобы жить в ладу со своим народом, лидеру не следует толкать его ни назад, ни вперед, а нужно просто шагать рядом. И желательнее еще при этом обладать национальным характером, то есть характер человека должен совпасть с прословутым «менталитетом» народа. «Своему» все простится. Если эти законы верны, нас ожидает не слишком обнадеживающая перспектива...

— Знаешь, чтобы избежать разочарования в настоящем и скепсиса по отношению к будущему, надо отдавать себе отчет в том, что было. Я ношу в бумажнике цитату из «Философических писем» Чаадаева. Послушай, как страшно звучит: «Русская история... была заполнена тусклым и мрачным существованием, лишенным силы и энергии, которое ничто не оживляло, кроме злодеяний, ничто не смягчало, кроме рабства». Трудно сказать, какая перспектива в сравнении с этим не обнадеживающая.

— Вы настаиваете на том, что политика — это профессия. Скажите, подобно другим профессиям, вашей, например, она может служить духовному совершенствованию человека, его занимающегося?

— Безусловно. Если ты имеешь в виду, что она сильнее давит, в ней легче сломаться, так любая профессия духовно нейтральна, — она может подвинуть человека и на добро, и на зло. Другое дело, что при ничтожных человеческих качествах достижимый уровень профессионализма также довольно низок. Соблазны власти — рок не одних политиков. Я у себя на курсе во ВГИКе тот же президент, и меня подстерегают те же опасности. А в человеческих взаимоотношениях, даже в любви, мы разве не наблюдаем на каждом шагу, как один стремится подмять под себя другого, возвыситься, взять власть, подчинить? Важно, какой заряд от природы несет человек, — положительный или

отрицательный. Так он и проявит себя в профессии. Духовное самосовершенствование доступно каждому, для кого мышление есть насыщенная потребность. Причем не только книжное мышление. Когда я сопоставляю книгу, которую читаю, и дерево, которое стоит у меня за окном, тогда я действительно мыслю. Дебилом можно быть и в театре, и в политике. Мы любим поехидничать над интеллектом наших руководителей. Недавно у нас на спектакле «Жерта века» по пьесе Островского присутствовал государственный чиновник из высшего эшелона. И сидевший впереди него зритель якобы слышал, как тот во время поклонов осведомился о художнике спектакля: «Это автор?». Разумеется, все потешались, как могли. А потом выяснилось, что подлинные слова были такими: «Пьеса настолько актуальна, что я хочу вызвать автора». Это, кстати, к вопросу о народной любви. Я менее всего склонен умиляться, но факт, что наверху есть люди и образованные, и невежественные, и духовные, и бездуховные. Восточная пословица говорит: из кувшина можно вылить не больше воды, чем в нем помещается. Верно и обратное: кувшин можно заполнить ровно настолько, насколько его можно заполнить. Никакая профессия не спасет бездуховного человека, и никакая не сделает духовного бездуховным.

— Вы сыграли в своей жизни множество «черных» героев. Теперь к ним прибавились еще и Фуше. По этому поводу у вас не возникает никаких либо суеверных опасений?

— Никаких, абсолютно. Я не смотрю на «окраску». Пусть это будет даже «розовый» герой, не хочу сказать «голубой», но если он мне не ин-

тересен, я его играть не буду. Для меня самое интересное в человеке — соотношение и взаимодействие в нем потенциального и реализованного. Что он получил от природы и что, и в какой форме вернул людям. С этой точки зрения нет образов «черных» и «светлых». Я вижу черноту совсем в другом. Неважно, что я в рекламном ролике изображаю Воланда. Гораздо хуже, что это плохая реклама — бессмысленная. В ней нарушены законы жанра. Много ли народу по России понимает эти литературные реминисценции? А если надо догадываться, расшифровывать — это уже не реклама. Гениальная, на мой взгляд, реклама у «МММ»: «Мария Ивановна никому не верит... У Петра Кузьмича нищенская пенсия...»

— Но от нее ведь тошнит!

— Тошнит — не выходи на улицу. Там все действующие лица реальные, взятые из толпы. Произведение искусства, а реклама — безусловно, вид искусства, должно соприкоснуться с жизнью. Я глубоко убежден, что все на земле родилось от благого. Добро перерождается в зло, когда утрачивается главное звено — ради чего. Как правило, цель забывается именно в тяжелые времена. Недавно сейчас появилось так много спектаклей, непонятно про что: не то про голову, не то про задницу. Для меня все, что лишено смысла, из области разврата.

— Многие жалуются, что минувший год, приблизительно с прошлого лета, был очень тяжелым. У вас тоже такое ощущение?

— Нет. Я не вижу никаких принципиальных перемен. Я уже вообще вступил в тот возраст, когда человек больше теряет, чем обретает. Теряет и в прямом, и в переносном смысле, и близких людей, и какие-то радости жизни, которые уже не для меня. Потери более ощутимы, обретения сомнительны: что-то они еще сулят, там видно будет. Можно, конечно, власть в трагизм, но другого варианта все равно нет. Опять-таки по сравнению с каким-то годом этот год «тяжелый»? Мне не нужно относительно благополучие в обмен на фальсификацию жизни. Фальсификация жизни, поверьте мне, страшнее любого террора. Но мы опять хотим, чтобы нас обманывали. У нас тоска по определенности хотя бы в виде сладкой лжи.

— Определенность нужна любому человеку, если не внешне, то внутренняя. Что лично вас держит сегодня и позволяет избежать ностальгии по «сладкой лжи»?

— Я опираюсь на элементарные вещи: моя семья, мое дело, мой кот. Выплакиваясь, высмеиваясь на сцене, потом прихожу домой, беру кота на руки, отдыхаю.

— Надо дорожить постоянством в жизни!

— Непременно. Что за мода менять жен, мужей, театры? За этой суетой жизнь проходит,

а ведь самое интересное — просто жить. Не в будущем, не когда-то, а сегодня, сейчас. Любить, ненавидеть, встречать, прощать. Надо жить и во всем находить радость.

— Когда я спрашивала вас про «тяжелый» год, то имела в виду не столько реальные события, сколько какое-то тягостное, гнетущее настроение, повисшее в воздухе.

— Я думаю, это лукавство. Хорошее и плохое — все в нас. Если я хочу, чтобы мой город сегодня оказался благоприятен, он обязательно окажется. А когда я иду куда-то, скрепя сердце, без радости, магнитная буря, конечно, бушует, но она бушует у меня внутри.

— Мне кажется, люди просто устали и ищут оправдания своему бездействию. Склады «неблагоприятные» дни месяца вообще со своими личными, по гороскопу, и три недели в месяц можно с чистой совестью проводить на диване.

— Не знаю, не знаю... Я одно могу сказать: мы сами создаем для себя препоны, которые и являются основными нашими разрушителями. А надо жить себе в довольстве, настраивать себя на такое восприятие жизни. У меня всегда с собой очень известное стихотворение Пушкина. Несколько строчек — целая жизненная программа, целая философия. «Лишь самому себе служить и угрождать... По прихоти своей скитаться здесь и там...». Чувствую, какие слова он уплотняет: «угождать», «прихоть». Жизнь, как увлекательная игра. Уже не лицедейская игра и не игра в хоккей, а игра — в смысле забава. Это великое искусство — жить, забавляясь. Не легкомысленно, но легко. Наслаждаться самим процессом. Тогда даже там, где не может быть удовольствия, придет хотя бы удовлетворение. Все обретет смысл — счастье, горе... Горе тоже может стать стимулом к жизни. Я знаю, о чем говорю, у меня есть опыт. Пока молодая, учись относиться к жизни, к профессии, как к забаве, в высоком смысле слова. Те, кто живет иначе, просто бегут по эскалатору. Ты замечалась, как много вокруг человеческого балласта и как мало действительно живых людей? Я особенно отчужденно осознаю это, приходя во ВГИК. Один педагог здесь проработал 20 лет, другой — сорок, третья вообще во ВГИКе родилась, а студентов они терпеть не могут. Их раздражает молодежь. Говорят, она изменилась. Да ничего подобного! Если меня в троллейбусе раздражает девичий смех, я понимаю, что не с ними, а со мной что-то не в порядке. Это мой гомеорой говорит. Молодежь всегда одинока, мы с годами меняемся. Вот такие люди — скучные, обиженные на весь мир, тягостно живущие — и есть настоящие монстры. Их надо бояться в первую очередь. В политике, в театре, в быту — все беды от них.

...Что изменилось в Джигарханяне за год? Чуть более категоричны суждения. Чуть резче манера выражаться. Философская отвлеченность отчасти уступила позиции жизненной конкретике. Но в целом — все то же сплав жизнелюбия, мудрости, мужественности и бодрости. Джигарханян завидно спокоен. Он идеально подошел бы для рекламы, утверждающей, что в жизни есть «непреодолимые ценности» и неизменные достоинства. Разумеется, есть и будут всегда — по закону жанра.

Беседу вела Елена ЯМПОЛЬСКАЯ.